

Ирина Колесник

Киев, Институт истории Украины НАН Украины

Категория времени в науке и культуре: рефлексии историка

Time as a Phenomenon in Science and Culture:
the Reflection of the Historian

Abstract: In this essay the ontological and epistemological aspects of historical time are scrutinized. The author outlines main stages of the time socialization. Myth and epic consciousness are considered as an original form of time perception. Cyclical concept of time, with circle as its main symbol, was dominant for Antiquity. Theological time perception was formed in the Middle Age with the earthly life of Christ in its center. New concept of historical time emerged during the Renaissance. It included three times: past, present, and future. In the 17th and 18th centuries, the phenomenon of time played an important role in Newton's philosophy, and in the natural history of the Enlightenment. For the industrial society, the dominant symbol of time became an arrow. Today, the network society develops a new image of time, featuring multiplicity of temporal flows. Besides, compression of space and time has become the basis of globalization processes. Time implosion in the modern globalizing world is a direct consequence of technological and social revolutions of the 20th century. The author also sheds some light on the particularities of time perception in the cultural traditions of Eastern and Western Europe. In the 19th century, time phenomenon was explored in historical studies by Romanticism and Positivism proponents. As a result of the scientific revolution in the beginning of the 20th century, the image of time-space phenomena changed dramatically. These changes were reflected in the concepts of "chronotop" (M. Bakhtin) and "memory cultures" (J. Assmann).

Keywords: biological time, social time, mythological time, cyclical time

Время и культура

Проблема исторического времени – одна из сложнейших методологических проблем истории культуры и науки. Михаил А. Барг вообще считал ее „не решенной проблемой теории исторического познания”. Примечательно, что еще в 1980-х гг. он не только предсказывал актуализацию проблемы времени, но и назвал обстоятельства, способствующие этому. Во-первых, речь шла о теории относительности Альберта Эйнштейна, которая потребовала отказа от ньютоновского воззрения на природу времени и пространства, в результате чего время утратило свой абсолютный характер и предстало в связи с процессами, в нем протекающими. Во-вторых, динамизация социальных процессов, в общественной жизни, глобальные социальные перемены, происходящие на глазах одного-двух поколений, неминуемо актуализировали проблему исторического времени, его смысла, направленности, ритма¹.

Для историка особый интерес приобретает восприятие времени в культуре и научном сознании различных эпох, его структура, рисунок, направленность движения.

В контексте культуры время многосложно. Так, например, Михаил М. Бахтин упоминал о биологическом, космическом и социальном времени². Космическое время было осознано человеком в результате появления календарей и астрономических таблиц. М.А. Барг различал внешнее (астрономическое, календарное) и внутреннее (социально-историческое) время. Внешнее время – непрерывно, однонаправлено, а внутреннее прерывно, аритмично, оно не только накапливается, но и „сбрасывается”³.

В целом, все эти понятия-определения „внешнее”, „астрономическое”, „биологическое”, „внутреннее”, „социально-историческое”, „историческое” время суть компоненты генеральной категории „социальное время”, при этом каждое из перечисленных отражает последовательные этапы осознания человеком социального времени.

Среди исследователей нет единства относительно происхождения понятия времени, одни говорят о религиозном характере его генезиса, другие исходят из его социокультурной природы. По мнению Эмиля Дюркгейма, ощущение и понятие времени и пространства возникает в области „коллективных представлений”. Примечательно, что в своих повседневных действи-

¹ М.А. Барг, *Категории и методы исторической науки*, Москва 1984, с. 62, 63.

² М.М. Бахтин, *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*, Москва 1990, с. 14.

³ М.А. Барг, *Категории и методы...*, с. 69.

ях и занятиях конкретный человек не нуждается в общих представлениях о времени и пространстве, у него имелись собственные, возникшие на основе индивидуального опыта, представления о времени и местности, которые принципиальным образом отличались от общих понятий, вырабатываемых коллективом в условиях общественной жизни. Ясно одно, понятия времени и пространства по своему происхождению и смыслу – социальные, они возникают на основе опыта не отдельного индивида, а всего коллектива в целях распределения территорий между различными социальными группами для охоты, установления очередности хозяйственных работ, посвячительных обрядов возрастных групп. Словом, онтология времени на эмпирическом уровне означает формирование эмоционально-чувственных, интуитивных образов времени.

Этапы социализации времени

Самое раннее восприятие человеком времени и пространства было чисто биологическим. Первоначально пространство воспринималось как „периметр безопасности”, как ощущение безопасности внутри какого-либо убежища – норы, гнезда, примитивного человеческого жилища. Естественно эти представления были связаны с социальным укладом жизни. Для кочевнического, скотоводческого образа жизни типичным было наиболее примитивное „маршрутное” или динамическое восприятие пространственно-временных связей. Охотники и скотоводы воспринимали мир, кочуя по местности. Этот мотив, это динамичное представление о мире нашло отражение в древней мифологии и эпосе: культурный герой – Гильгамеш, Одиссей – вносит порядок в окружающий мир по пути своих странствий.

Более сложное восприятие пространства-времени связано с оседлым образом жизни земледельческих племен, ведь „оседлый земледелец строит мир концентрическими кругами вокруг своей житницы”⁴. Такое радиальное представление о мире, социальном бытии, нашло воплощение в библейском мифе о земном рае как центре, средоточии мира, из которого берут начало четыре реки, текущие по четырем направлениям света.

Первоначальной стадией рецепции времени являлось мифологическое время. Воспринималось оно так, как ощущается детьми: почти одномомен-

⁴ История первобытного общества, отв. ред. Ю.В. Бромлей, т. 2: Эпоха первобытной родовой общины, Москва 1986, с. 511-512.

тно, протяженность его ограничена. Затем представление о времени стало включать собственную жизнь человека. У Гомера время – день, а вечность – все дни. День – это сама жизнь, „отнять день”, значит, убить. Более того, время воспринималось как живое существо. *Chronos* являлся воплощением времени, творцом огня, воздуха и воды. В центре мифологического времени находилось настоящее, неподвижное и постоянное, все изменения, в рамках которого означали зло, нарушение привычного, векового распорядка и уклада жизни. Время за пределами одной человеческой жизни воспринималось как родовое время. Вне „родовой памяти” был лишь „чистый миф”, главной темой которого являлось начало бытия, происхождение всего сущего. В первоначальном мифе отсутствуют реальные события, личность, а, следовательно, и время. Представления о будущем были связаны с ритуальными действиями, приготовлением к загробной жизни, заботами об исходе охоты и судьбе будущего урожая.

В культурном сознании античности мифологическое время приобретает свой рисунок. Символом античного представления о времени становится круг⁵. Свойственное этому периоду зрительное восприятие действительности, всего окружающего мира (видимый мир замкнут, сферичен по аналогии с небесным сводом) обуславливало циклическое восприятие времени. Образ времени – движение светил, круг – символ вечности, всеобщей гармонии и совершенства. Итак, циклический рисунок времени – продукт наиболее архаического, биологического восприятия времени по аналогии с астрономическими, метеорологическими и биологическими процессами и явлениями, которые в свою очередь предопределяли ритмичность хозяйственной деятельности, цикличность сельскохозяйственных работ, размеренный характер общественной жизни (смерть, рождение, смена поколений, переход из одной возрастной группы в другую и проч.).

В средневековом сознании происходит существенное усложнение представлений о времени в сфере социального опыта и религиозной идеологии. Именно в этот период происходит разграничение понятий „земное” и „теологическое” время. Радикальная актуализация „настоящего” определялась христианской идеей „центра времени”, который связан с земной жизнью Христа. Понятие будущего в средневековом сознании имело теологическую окраску, поскольку включало представление о загробном существовании, потустороннем мире, как смысле жизни человека.

Примечательно, что теологическое время, в отличие от мифологического, приобретает иную, линейную конфигурацию. Круг земного бытия был ра-

⁵ А.Ф. Лосев, *Античная философия истории*, Москва 1977.

зорван, все имело свое начало в акте божественного творения и направленность течения от сотворения мира до рождества Христова, от его земного бытия до второго пришествия. Ход событий был предопределен божественным Промыслом, земное же время по-прежнему оставалось циклическим, что соответствовало замедленным темпам культурно-хозяйственной жизни средневекового социума, которая регламентировалась природно-биологическими и хозяйственными циклами, регулярными праздниками и обрядами: смена дня и ночи, времен года, празднества солнцеворота, Купалы, корочуна, проводы зимы, встреча весны, нового года, свадьбы и т. д.

В Древней Руси понятия о времени формировались на основе радиального представления о пространственно-временных связях. Прошное связывалось с тем, что было впереди, в начале, что ближе к центру мира, „житнице“. Этимологически остатки этих архаических представлений сохранились в слове „прежде“. Заднее – это то, что находится в конце, позади предполагаемого центра. Заднее обозначает недавно случившееся, иногда будущее⁶.

В эпоху позднего средневековья на смену радиальному представлению о мире приходит вертикальная модель, символом-маркером которой являлся готический стиль. Вся система оценок в средневековой культуре, творчестве, искусстве воспринималась в метафорах движения по вертикали: все лучшее было высшим, все худшее – низшим. В рамках вертикально иерархической картины мира движение мыслилось как горизонталь. „Поэтому, – подчеркивал М.М. Бахтин, – иерархия представлялась вневременной. Время не имело существенного значения для иерархического подъема. Поэтому не было представления о прогрессе во времени, о движении вперед во времени. Переродиться в высшие сферы можно было мгновенно...“⁷. К тому же обесценивал время и присущий средневековому сознанию эсхатологизм. Для средневекового сознания основным символом хронотопа наряду с кругом становится крест, вертикальная линия которого означала пространство социального, а горизонтальная – время (календарное, астрономическое, биологическое).

В эпоху Ренессанса вертикальная картина мира стала рушиться и начала складываться новая модель мирового устройства – горизонтальная. Причина коренилась в изменении доктрины времени. В период Возрождения, как известно, возникают первые представления об „историчности“ времени, о связи времен, в частности настоящего с прошлым, т. е. о движении времени по горизонтали. Более того, возникают представления об открытости време-

⁶ Д.С. Лихачев, *„Слово о полку Игореве“ и культура его времени*, Ленинград 1978, с. 201-202.

⁷ М.М. Бахтин, *Творчество Франсуа Рабле ...*, с. 444.

ни в будущее, не потустороннее, а вполне земное. По наблюдению М.М. Бахтина, „литература и другие документы эпохи Ренессанса свидетельствуют об исключительно ясном и четком ощущении современниками большого исторического рубежа, радикальной смены времен, смены исторических эпох”⁸. Новое историческое ощущение состояло в осознании особенности своей эпохи и в новом отношении к иным векам и эпохам.

В эпоху Ренессанса впервые были обозначены все составляющие понятия времени. Возникает понятие прошлого, которое отсутствовало в историческом сознании средневекового человека, что существенно затрудняло понимание настоящего. Сама эпоха Возрождения являлась обращением и признанием прошлого. Впрочем, как полагает М.А. Барг, не обошлось и без парадоксов. Людям эпохи Возрождения гораздо ближе по духу было время античности, точнее „золотой век” Рима, нежели период „темных веков”. В культуре Ренессанса наряду с понятием настоящего, прошлого оформляется и понятие светского будущего. Свидетельством ценности времени становится этика „сбережения времени”, регулирования его в соответствии с ритмом личного, семейного и гражданского обихода. Символом осознания социальной ценности времени становятся часы на городских ратушах, появившиеся в XIV в.⁹

Восприятие в ренессансном сознании различных сторон социального времени: прошлого, настоящего и будущего, в их светском, земном содержании, было не чем иным, как предчувствием исторического характера времени, связи времен. Однако эта тенденция в трактовке времени оказалась скоротечной, и в этот период возобладали возрожденная традиция античного циклизма. Идея связи времен подменяется понятием Фортуны, Судьбы, в руках которых человеческая жизнь превращается в игрушку времени.

В Новое время проблема пространства-времени становится предметом осмысления интеллектуалами в сфере философии и науки. С именем Ньютона связано философское обоснование проблемы времени и пространства, которые приобрели в его трактовке абсолютный характер, независимый от протекающих в них явлений и процессов. В XVII-XVIII вв. в онтологии времени происходит поворот от чувственно-интуитивного, эмоционально-образного восприятия времени к категориально-генерализирующему. В области классического естествознания время стало оцениваться не по аналогии с астрономическими, природными и биологическими явлениями и процессами, но измеряться социально-историческими реалиями и собы-

⁸ Там же, с. 112.

⁹ М.А. Барг, *Категории и методы...*, с. 78.

тиями. Социальное время приобретает исторический характер, что, по сути, означало способность каждой конкретной эпохи сравнить себя с другими, отличить себя от них и одновременно связать с ними.

В рассматриваемый период окончательно оформились структурные части понятия времени: прошлого, настоящего и будущего. Центральным модусом исторического времени стало настоящее. Настоящее – это сам человек, настоящее включает и прошлое, и будущее. В настоящем можно получить тот логический аппарат, с помощью которого только и возможно осмысление прошлого. Понимание прошлого в эпоху Просвещения ассоциировалось с такими умозрительными конструкциями, как „золотой век” и „естественное состояние”, которые Карл Маркс называл „ходячими фикциями” XVIII в. Категория же будущего связывалась с идеей частичного прогресса.

В индустриальном обществе время сохраняет линейный характер, но при этом приобретает динамичность, это „время-стрела”. Динамичность времени в индустриальную эпоху раздвигает границы социального пространства и одновременно удерживает его ценность и целостность. Развитие железных дорог создает массовое ощущение единства времени. Именно в индустриальную эпоху у человека формируется представление о собственной жизни как о биографии. В индустриальном обществе происходит дробление единой нити времени на одинаковые, однообразные отрезки, следующие друг за другом. Это находит отражение в культуре и искусстве. Например, *Боле-ро* Мориса Равеля вносит автоматизм в музыку, воспроизводя ритм работающего промышленного станка, символизируя тем самым „конвейерное” мышление индустриального общества.

Постиндустриальное, информационное общество, по мнению Мануэля Кастельса, представляет собой подвижную, гибкую структуру потоков информации и коммуникаций. В информационно-сетевом обществе радикально меняются представления о времени-пространстве. „Плотное”, географическое пространство получает свою виртуальную проекцию в кибернетическом пространстве, в котором понятия „здесь”, „там”, „далеко”, „близко” теряют свой прежний смысл. Символом нового восприятия социального пространства выступает образ „глобальной деревни” Маршала Маклюэна. Мгновенная передача информации и реагирование на нее ломает линейное представление о хронотопе. Теряет смысл дихотомия центр-периферия, которые оказываются в едином информационном пространстве. При этом мобильность – скорость преодоления расстояния между двумя точками определяет социальный статус человека и характеризует степень поляризации в обществе, так как космополитический образ жизни, широко рекламируемый в СМИ, доступен далеко не каждому и лишь усиливает ощущение социальной обездоленности.

В сетевом обществе меняется ощущение времени, происходит его сжатие (имплозия). Исследователи заговорили о новой темпоральности – концепции „вневременного времени”. Основная черта времени в сетевом обществе – это гибкость, что позволяет сжимать и растягивать его. Управление сетевым производством, отмечает М. Кастельс, „опирается на гибкую темпоральность, на способность ускорить или замедлить циклы производства и прибыли, на распределение времени, оборудования и персонала”¹⁰. В информационно-сетевом обществе формируется новый образ времени, состоящий из множества потоков. Культурной проекцией этого образа является культовая картина *Криминальное чтиво* (*Pulp Fiction*), где смысл действия и поступков героев проступает и сплетается из множества временных потоков. В целом, темпоральность кибернетического пространства – это темпоральность моментального распространения или темпоральность синхронии. Более того, пространственно-временная компрессия стала основой процессов глобализации. Сжатие времени в современном глобализующемся мире является прямым следствием ряда технологических и социальных революций XX в.

Рецепция времени в культурной традиции Восточной и Западной Европы

В культурах различных народов существуют и разные системы времени. У западных народов, как известно, распространена монохронная система, предполагающая чуть ли не материальное восприятие времени, его ценности, стремительности и ритма, что означает сосредоточенность только на одном из видов деятельности. Западное время как будто подроблено по секундам, фрагментировано, строго организовано. Такое дробление ассоциируется с быстрой сменой рекламных роликов, регулярными прогнозами погоды, новостями, которые рассказывают о событиях в мире почти по минутам. В отличие от западных народов с их монохронной системой времени, у восточноевропейских народов, в частности, украинцев, распространено полихронное восприятие времени. Полихронное переживание времени связано с восприятием украинцами пространства, как вчувствование в „волнистую мягкость лесостепи” или „бескрайнюю даль степи”, что в свою очередь обуславливает стремление к идеальному, бесконечному и недостижимому.

¹⁰ М. Кастельс, *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*, пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана, Москва 2000, с. 407.

В западных же культурах, в частности, немецкой, восприятие пространства связано с образом „закрытых дверей”, что символизирует изолированность, ограничение, „поделенность” пространства, это так называемые компартименталистские культуры¹¹.

Присущая украинцам полихромная система времени включает несколько временных потоков¹². Это касается: 1. „сельского” или циклического ощущения времени, обусловленного астрономично-биологическими и хозяйственно-производственными циклами, имеющими циклическую конфигурацию; 2. христианского времени с его линейной направленностью, центральное место в котором занимает земное существование Христа, от которого и начинается отсчет прошлого и открывается перспектива в „потустороннее” будущее; 3. мифологической темпоральности, представленной идеей „первобытия”, „первотолчка” в историческом бытии каждого народа (В России – это реформы Петра I, Октябрьская революция, в Украине – события эпохи Богдана Хмельницкого, провозглашение независимости Украины в августе 1991 г.). Для исторической жизни украинцев характерен еще один тип переживания времени в виде „хронологических разрывов” или „квантов экзистенции”, нашедших отражение в таких метафорах, как „Руина”, „культурно-национальное возрождение”, а также в исторических катастрофах, как война, аграрная революция, голод. В систему времени украинцев входит и ряд составляющих, как календарное, астрономическое, (солнечные и лунные фазы и циклы), декретное, субъективное (психологическое), возрастное, обыденное, семейно-родовое и т. п.

Полихромное восприятие украинцами исторического времени обуславливает их социальное поведение и специфические поведенческие реакции. Так, в отличие от человека западного мира для украинцев типичным является одновременное осуществление нескольких видов деятельности, а также необязательность в соблюдении сроков событий. Характерным есть нежелание четко и ясно решать вопросы, что часто кроется за фразами: „будем решать”, „как-нибудь заходите”, „надо подумать”. В отличие от опыта людей западного мира, с присущим им чувством страха не успеть, опоздать, выпасть из ритма, что зачастую граничит с ощущением экзистенциальной катастрофы (наочная форма которой – безработица), культурное сознание украинцев характеризуется чувством „временного плюрализма”, т. е. спокойной,

¹¹ Е.Л. Носенко, *Культурно-психологічні проблеми інтеграції України в Європейське співтовариство*, „Грані” 1999, 2(4), с. 59, 60.

¹² О. Забужко, *„Психологічна Америка” й азіяський ренесанс, або знову про Карфаген*, „Сучасність” 1994, № 9, с. 154.

тягучей, жизни. Этим объясняется неуважение украинцев к своему и чужому времени в жизни, в делах, быту¹³.

Вместе с тем языковая культура украинцев, как и россиян, отображает восприятие ими модусов времени. Для россиян, по мнению исследователей, характерна сосредоточенность на прошлом и будущем. Неслучайно, из двух „главных русских вопросов” – „Кто виноват?” и „Что делать?”, первый относится к прошлому/совершенному, а второй – грядущему/будущему. Считается, что, сам язык среагировал на особенности психики: глаголы совершенного вида не имеют формы нынешнего времени, а заменяются будущим. Более того возникает привычка обходиться без настоящего времени, так „Два и три будет пять”. Российская литература традиционно демонстрирует устремленность в будущее, реальное или воображаемое (Обломов, Манилов). В русском языковом сознании главным концептом времени становится модус будущего времени, россияне отдают ему предпочтение, будь-то в виде апокалипсиса (образ исчезнувшего града Китежа) или идеально устроенного общества, социально-политических утопий („светлое будущее – коммунизм”). В русском языковом сознании ценится легкий, сказочно-мифологический путь, печь, ковер-самолет, сани-самоходы, желание-хотение. При этом, русские словно манипулируют будущим, стремясь им управлять, меняя календари в 1920-1930-х гг., намечая строительство коммунизма в 80-м году. Русский народ, в отличие от других, по мнению Валентины А. Масловой, думает не о своем собственном, а о вселенском будущем, о чем свидетельствует философия русского космизма, идея мировой революции. Для менталитета русских характерна „низкая оценка обозримого прошлого”. „Начать с чистой страницы” означает игнорирование прежнего опыта. Для русского восприятия времени характерна акцентуация событий, обозначаемых с приставкой „после-” или „пост-”, к примеру, Россия „послевоенная”, „послереволюционная”, „постперестроечная” и т.д.¹⁴.

В языковой модели времени украинцев доминирует модус настоящего (в совершенной или несовершенной форме), в чем убеждает огромный массив фольклорных источников и материалов (поговорки, пословицы, загадки). Украинские песни, фольклор, поэзия сосредоточены на сегодняшнем дне, нынешнем, каждодневном – окружающей природе, будничных заботах и трудах, развлечениях и чувствах, действиях, поступках и психологических состояниях. Модус настоящего в структуре времени отображает гармонию окружающего мира и человека, она не погружена в прошлое и не

¹³ Е.Л. Носенко, *Культурно-психологічні проблеми...*, с. 60.

¹⁴ В.А. Маслова, *Когнитивная лингвистика*, Минск 2008, с. 90-93.

стремится в воображаемое будущее. Такое равновесие сигнализирует о жизненном оптимизме, прагматизме, антропоцентризме культурного сознания украинцев.

Таким образом, языковая картина времени каждого народа представляет собой ризому, совмещающую множество разнонаправленных временных потоков. Модус прошлого соединяет историческое время (фиксируемое прошлое), периферийное время (смутные воспоминания о далеком прошлом) и мифологическое время (за пределами памяти народа). Настоящее – вершина социально-исторического времени, это сам опыт, который и дает ключ к пониманию прошлого и грядущих событий. Именно современность выступает ориентиром в различных времени потоках: календарном, биологическом, профанном, семейном, бытовом, психологическом. Современность создает потребность в самопознании. Модус будущего также включает несколько составляющих: религиозную (второе пришествие Христа, две модели будущего: европейская рождественская и восточная пасхальная), социальную (апокалипсис, утопии), психологическую (сценарий личного будущего). Сама проблема времени и служит средством самопознания человека, через настоящее осознать прошлое, предчувствуя и направляя свое будущее. Проблема времени имеет не только онтологический, но и гносеологический аспекты.

Время в историописании

Гносеологический срез проблемы времени предполагает осмысление его присутствия в историописании. Всякая история, по мнению Алексея Ф. Лосева, развивается во времени и пространстве, и чтобы понять ее, важно представить и уяснить, как формировались представления о времени и пространстве. Чувство времени органически присуще человеку, нуждающемуся в историческом пространстве и исторической перспективе. И это начальное чувство, ощущение времени кристаллизуется в таких всем доступных понятиях, как старость, молодость, быстротечность жизни. В процессе социализации времени формировались и менялись представления о его направленности, ритмах и конфигурации (точка, круг, крест, спираль).

Впервые как предмет научной рефлексии время появляется в древнегреческой философии, в рамках которой оно предстало как вечное и непрерывное, имеющее свою структуру и „геометрию” в виде самой совершенной фигуры – круга. В классически-полисном сознании время воспринималось абстрактно – как Судьба, Фортуна, воплощение воли богов.

Не случайно древнегреческие авторы в качестве источников использовали свидетельства очевидцев. Как считал Робин Дж. Коллингвуд, исторический метод древних и заключался в выявлении этих свидетельств. Используемый греками метод исследования держал их „на привязи, длина которой определялась непосредственно живой памятью, единственным источником для критики был очевидец события, человек, с которым они могли беседовать с глазу на глаз”. Метод античного историка предопределял и предмет его изучения, он мог писать лишь о тех событиях, которые были в памяти людей, которых он мог расспрашивать. Согласно античной концепции истории, „никакое историческое повествование не может выходить в своих хронологических рамках за пределы жизни человека”¹⁵.

Принятая на Руси погодная форма фиксации исторических событий в летописях представляла собой провиденциалистскую трактовку социального времени и вполне соответствовала вертикальной картине средневекового мира. Весь ход истории от сотворения мира, земного существования Христа и до его второго пришествия заранее был предначертан силами Провидения. Следовательно, миссия летописца заключалась в констатации конкретных фактов и событий, иллюстрирующих божественный промысел в истории. Позднее в XVI-XVII вв. в России на основе библейско-античной традиции возрождается идея циклизма, что нашло отражение в известном проекте Филофея „Москва – третий Рим”, а также в концепции четырех монархий, интерпретируемой Дмитрием Кантемиром с учетом особенностей российской истории.

В начале XVIII в. российские интеллектуалы разворачивают линейную модель времени-пространства в отечественном историописании. Так, в теории „всемирного умопросвещения” Василия Н. Татищева развитие воспринималось по образцу жизненного цикла организма (детство, молодость, зрелость, старость). В трудах конца XVIII в. – „Историях” Михаила М. Щербатова и Ивана Н. Болтина – уже формировалось представление о связи временных модусов, в частности нового петровского периода в истории России с периодом предшествующим, московским. В *Истории государства* Российского Николая М. Карамзина эта временная ось была дополнена пониманием преемственности древнего и среднего периодов. Таким образом, идея сочлененности времен впервые была реализована в масштабном просветительском проекте историописания, в рамках которого история России стала как линейная модель последовательной смены древнего, среднего и нового периодов.

¹⁵ Р. Дж. Коллингвуд, *Идея истории. Автобиография*, пер. и комм. Ю.А. Асеева, Москва 1980, с. 29.

Идею связи времен, принцип развития, в науку XVIII в. привнес Жорж-Луи Бюффон. Он первый применил принцип истории при изучении всей сферы естествознания, т. е. он первый понял и оценил значение огромных промежутков времени: именно мелкие и незначительные процессы и явления в природе, накапливаясь во времени, производят самые грандиозные перемены и изменения. По мнению исследователя, немногие тысячелетия человеческой истории, известные из летописных преданий, поблекли и отошли на второй план перед десятками и сотнями тысяч лет, в которые должны были укладываться те явления, результаты которых открывались в окружающей природе. В целом, „принцип значения времени” Бюффона оказал решающее воздействие на научное мышление XVIII в. После него нельзя уже было ограничиваться только описанием наблюдаемых процессов и явлений в природе (и общественной жизни), исканием близлежащих причин. Надо было в настоящем искать прошлое и объяснять настоящее как результат вековой деятельности, теряющийся в глубине веков прошлого. Идеи Бюффона, по словам Владимира И. Вернадского, имели совершенно непредвиденные последствия, „благодаря такому расширению области приложения истории совершился перелом в европейском обществе в понимании значения времени”¹⁶. Воспринятое у Бюффона понимание времени и вытекающее из него объяснение исторической причинности было внесено Иммануилом Кантом в немецкую философскую и научную мысль. В немецкой классической философии идея историзма приобрела завершенную теоретическую форму.

XIX в. – век истории. В рамках профессионального историописания в XIX в. происходит окончательная концептуализация исторического времени. Триумф истории как метода – это результат „романтической революции”. Дух и вкус истории в литературу и историописание привнесли романтики, которые в своих рыцарских романах выступали авторами многочисленных национальных историй. Именно романтики-историки, превратив время в объект воображения, символический временной поток, сформулировали идею „бесконечности исторического времени”. При этом историческое время они отделяли от исторического пространства, полагая, что есть „места без времени”. Позитивисты XIX в., как и романтики, были творцами проекта „бесконечной истории”. В европейском историописании XIX-XX вв., как известно, доминировала идея националистической истории, которая опиралась на классическую ньютоновскую модель пространства-времени. Идея „бесконечной истории”, углубляя „нижний горизонт времени”, отодвигала

¹⁶ В.И. Вернадский, *Избранные труды по истории науки*, Москва 1981, с. 205-208.

далеко в прошлое и истоки национального существования. Она способствовала появлению исторических нарративов, которые до бесконечности могли разворачиваться в бесконечном времени. Именно в XIX – начале XX вв. в российском и украинском историописании появляются исторические компендиумы, связанные с позитивизмом, как 29-томная *История России с древнейших времен* Сергея М. Соловьева и 10-томная *История Украины-Руси* Михаила С. Грушевского. В позитивистской историографии наряду с абсолютным углублением исторического времени происходило максимальное его дробление на шкалы: „Казалось, каждый факт, который в XIX в. воспринимался как «событие» не был в состоянии избежать прописки в бесконечной книге бесконечной истории”¹⁷. Иными словами, многотомные национальные нарративы XIX в. были не только прямым результатом титанического труда их авторов, но и реализацией проекта „бесконечной истории”, которая оставляла открытым нижний горизонт исторического времени. Как известно, многотомные *Истории* выдающихся российского и украинского историков завершались описанием событий конца XVIII в. Это случайность, недостаток архивного ресурса (которого у одного и другого было предостаточно) или это позиция, обусловленная научной ситуацией на рубеже XIX-XX вв.?

На грани веков радикально меняются научные представления о времени-пространстве. Неклассическая геометрия Николая Лобачевского и теория относительности А. Эйнштейна рушили ньютоновскую картину мира, с присущими ей представлениями обабсолютном характере и независимости друг от друга пространства и времени. В результате „эйнштейновского переворота” время в историописании слилось с пространством. И как следствие в XX в. возникает концепция хронотопа М.М. Бахтина и концепция „места памяти” Перра Нора. В эпоху постмодерна, на смену проекту „бесконечной истории” приходят представления о фрагментации истории (Мишель Фуко), идеи „смерти гранд-нарратива” (Жан-Фансуа Лиотар) и „конца истории” (Френсис Фукуяма). Сегодня историческое время воспринимается через графику определенного топоса.

В специальной литературе есть понятие „память историка”¹⁸. По мнению Володимира В. Ващенко, это означает не личные воспоминания историка,

¹⁷ В. Ващенко, „Пам’ять історика”: обмежувальні структури історичного часу та способи їх репрезентації у текстах Михайла Грушевського, [в:] *Історія – ментальність – ідентичність*. Випуск IV: *Історична пам’ять українців і поляків у період формування національної свідомості в XIX – першій половині XX століття: колективна монографія*, за ред. Леоніда Зашкільняка, Йоанни Пісулінської, Павла Серженги, Львів 2011, с. 81.

¹⁸ Понятие „время историка” использует и М.А. Барг. В его понимании время историка включает время эпохи, которую он изучает и его собственное время, при этом задачей

а разновидность социальной памяти. „Память историка” ограничивается двумя точками: верхняя – это восприятие длительности времени, присущее той дисциплине, которую историк и представляет, нижняя – фиксирует конечную, финальную, точку его повествования, отделяющую прошлое от современности, историю от политики¹⁹. В этой связи принципиально важно определение границы верхнего горизонта исторического времени, как точки разрыва между прошедшим и настоящим, историей и политологией. Популярная в начале XX в. концепция „столетних циклов” (состоящих из трех поколений) к концу века переживает второе рождение. На гребне новой волны глобализации в 1980-х гг., вследствие расширения междисциплинарного диапазона историописания особую популярность приобретает концепция исторической памяти. Согласно Яну Ассману, коллективная память состоит из близкой, коммуникативной и дальней, культурной памяти. Близкая память включает родовую память трех поколений²⁰. Временной горизонт коммуникативной памяти соответствует трем поколениям, в котором сливаются различные временные потоки, где и следует искать точку перехода от прошлого к настоящему. В целом, концепция „культур памяти” не только лимитирует историческое время, но и членит его на множество временных потоков. Новые темпоритмы нашего глобализирующегося мира актуализируют методы современного историописания, в рамках которого наряду с генетическим (историческим) методом свое место занимает генеалогический подход, который, фиксирует множественные исторические потоки и является ключом к пониманию прошлого и настоящего, истории и социальной реальности.

В завершение ловлю себя на мысли, что эти рефлексии о времени, „времени историка” сегодня неслучайны. Мы все на уровне собственных ощущений переживаем совершенно иное чувство времени как бытового, семейного, социального, так и биологического, политического и проч. Экскурс в близкое прошлое, взгляд на то, как воспринимали время последние три поколения, понятен каждому, а шаг далее, за горизонт исторического времени, является уже предпосылкой для осознания принципиально другой концепции времени – идеи множественности времени-пространств.

историка является „диалог» исторических времен”. М.А. Барг, *Категории и методы...*, с. 92-93.

¹⁹ Там же, с. 75.

²⁰ Ян Ассман, *Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах Древности*, пер. с нем. М.М. Сокольской, Москва 2004.

Библіографія

- Ассман Я., *Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах Древности*, пер. с нем. М.М. Сокольской, Москва 2004.
- Барг М.А., *Категории и методы исторической науки*, Москва 1984.
- Бахтин М.М., *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*, Москва 1990.
- Вашченко В., „Пам'ять історика”: обмежувальні структури історичного часу та способи їх репрезентації у текстах Михайла Грушевського, [в:] *Історія – ментальність – ідентичність*. Випуск IV: *Історична пам'ять українців і поляків у період формування національної свідомості в XIX – першій половині XX століття: колективна монографія*, за ред. Л. Зашкільняка, Й. Пісулінської, П. Серженги, Львів 2011.
- Вернадский В.И., *Избранные труды по истории науки*, Москва 1981.
- Забужко О., „Психологічна Америка” й азійський ренесанс, або знову про Карфаген, „Сучасність” 1994, № 9.
- История первобытного общества*, отв. ред. Ю.В. Бромлей, т. 2: *Эпоха первобытной родовой общины*, Москва 1986.
- Кастельс М., *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*, пер. с англ. под науч.ред. О.И. Шкаратана, Москва 2000.
- Коллингвуд Р.Дж., *Идея истории. Автобиография*, пер. и комм. Ю.А. Асеева, Москва 1980.
- Лихачев Д.С., „Слово о полку Игореве” и культура его времени, Ленинград 1978.
- Лосев А.Ф., *Античная философия истории*, Москва 1977.
- Маслова В.А., *Когнитивная лингвистика*, Минск 2008.
- Носенко Е.Л., *Культурно-психологічні проблеми інтеграції України в Європейське співтовариство*, „Грані”, 1999, 2(4).

Інформація об Авторе

Ирина Ивановна Колесник (Irina I. Kolesnik – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины.
e-mail: ikolesnyk2002@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-0653-907X>